

РЕЦЕНЗИИ ДИСКУССИИ

МНЕНИЯ

Новая публикация о земледелии Херсонесского полиса

225 лет назад, в мае месяце 1783 г. в бухту, которая в те времена именовалась Ахтиярской, вошло несколько кораблей недавно созданной эскадры. Включение Крыма в состав Российской империи открыло для путешественников и исследователей руины расположенного неподалеку от деревни Ахтияр Херсонеса. В этом свете вполне справедливы слова некоторых историков, что 1783 г. можно считать точкой отсчета, с которой начинается изучение памятников этого античного и средневекового центра. При этом изначально большое внимание уделялось описанию и топографической фиксации сооружений, расположенных в окрестностях Херсонеса, на ближней хоре полиса. Своего рода юбилейной стала монография известного украинского историка и археолога В.М. Зубаря, посвященной изучению хоры Херсонесского полиса¹.

Проблема аграрных отношений в древности, локальные особенности земледельчества и организации рабочей силы, применяемой при обработке земельного фонда, принадлежащего как государству, так и частным лицам, соотношение общеполитических, общественных и индивидуальных владений граждан являются центральными вопросами при изучении античных государственных образований. В значительной мере от степени их изученности зависят как воссоздание различных явлений «в материальной и духовной жизни общества, так и закономерности его эволюции и самый его характер», как отметила выдающийся исследователь античной эпохи Е.М. Штаерман (1914–1991)². Статус гражданина определялся владельческими правами: был ли он собственником земельного участка — независимым самостоятельным хозяином — или в силу отсутствия такового оказывался вынужденным

работать на другого. В этом отношении примечательно одно из положений последней работы исследовательницы³, которая, приведя римскую поговорку «Плата за труд есть цена рабства», подчеркнула, что «только тот, кто имел и возделывал надел, входивший в земельный фонд общины, кто был как бы совладельцем этого фонда, мог быть полноправным сочленом этого коллектива общинников, участвовать в решении его дел, свободно высказывать свое мнение»⁴. Приведенная цитата наилучшим образом характеризует значимость исследования такой темы, как характер земледельчества, отношение гражданина к самому ценному, что ему принадлежало, — к земле.

Представления об особенностях развития античной государственности, как правило, сводятся к трем вариантам: демократического Афинского полиса, дорийской «общине равных», которая возникла в Лаконике, и аристократической Римской республике. Но даже для этих государств, имеющих лучшую, в сравнении с другими, источниковую базу, существует значительное количество дискуссионных вопросов. Тем более это характерно для полисов, для которых свидетельства древних авторов малочисленны.

¹ Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Герacleйском полуострове: история раскопок и некоторые выводы. Киев, 2007.

² Штаерман Е.М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 6.

³ В предисловии к посмертно изданной работе Е.М. Штаерман два других крупнейших российских антиковеда Л.П. Маринович и Е.С. Голубцова отметили приоритет всемирно известного историка в постановке ряда проблем античной истории (Маринович Л.П., Голубцова Е.С. Предисловие // Штаерман Е.М. История крестьянства в древнем Риме. М., 1996. С. 5.

⁴ Там же. С. 8.

Правда, для Херсонеса имеется такой уникальный памятник, как присяга, относительно значения которой В.В. Латышев отмечал (1855–1921): «Не подлежит сомнению, что вновь найденный в Херсонесе документ содержит текст такой же общегражданской присяги, а не клятвы высшего государственного сановника. <...> Если мы сравним текст Херсонесской присяги с текстом Афинской, то заметим, что в первом обязанности честного гражданина по отношению к отечеству и отдельным согражданам перечислены гораздо полнее и разностороннее, нежели во втором»⁵. Сразу же после обнаружения эпитафического памятника в периодической печати появилась информация о нем, также высоко оценивающая находку: «Присяга служит чудесным памятником, в котором выразились высокие гражданские чувства, столь редкие в наше время. Решительно не мешало бы современным “гражданам” заучить на память “присягу херсонеситов” или хоть бы ту ее часть, которая касается “хлеба вывозимого”»⁶. Безусловно, кроме присяги имеются и другие надписи, но, пожалуй, столь же уникальными и бесценными для изучения вопросов земледелия Херсонесского полиса являются данные раскопок.

Хора Херсонеса, особенно земельные владения, расположенные в непосредственной близости от города, на Гераклейском полуострове, привлекли внимание историков и путешественников сразу же после включения Крыма в состав Российской империи. О значении исследований наделов граждан Херсонеса, их внутренней структуры в целом, системы межевания на ближней хоре свидетельствует обращение мирового антиковедения к работам российских и украинских коллег, когда речь заходит о хоре полиса. В качестве примера можно привести статью чешского историка Л. Печирки, познакомившего западноевропейского читателя с открытиями крымских археологов⁷. Свидетельством международного интереса к округе Херсонесского полиса является создание в конце XX в. украинско-американской экспедиции, которая работает на территории Гераклейского полуострова — ближней хоры (Г.М. Николаенко и Д. Картер, Техасский

университет)⁸. Однако справедливости ради следует отметить, что идея создания комплексной археологической экспедиции, целью которой стали бы изучение и публикация итогов раскопок памятников округи Херсонеса, относится еще к середине 70-х гг. XX в. Впервые попытка реализации ее принадлежит И.Т. Кругликовой⁹. Безусловно, приход в Херсонес исследовательницы, имевшей к этому времени фундаментальные

⁵ Первое издание присяги: Latyshev V. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli*, 1916. Vol. 1. Ed. 2. № 401.

⁶ Энгель М. Глубь веков: результаты последних археологических разведок в Херсонесе // *Крымский вестник*. 1892. № 39.

⁷ Pečírka J. *Antické zemedelské uzedlosti v okolí mesta Chersonesu na Krymu* // *Listy filologické*. 1968. Rocn. 91, № 3. P. 279–288; *Idem*. *Country estates of the Polis of Chersonesos in the Crimea* // *Ricerche storiche ed economiche in memoria di C. Barbagallo*. Napoli, 1970. T. 1. P. 459–477; Dufkova M., Pečírka J. *Excavations of farms in the chora of Chersonesos in the Crimea* // *Eirene*. 1070. T. 8. P. 123–124.

⁸ Некоторые статьи Д. Картера и его сотрудников были опубликованы в украинских изданиях, например, см.: Carter J. C. *The Chora of Chersonesos Site 151 (The Finds: 1994–19960* // *Херсонесский сборник*. Севастополь, 1998. Вып. 9. С. 133–137.

⁹ Краткую информацию о раскопках И.Т. Кругликовой см.: Раскопки усадьбы и клера у Камышовой бухты // *Новые открытия советской археологии: тез. докл.* Киев, 1975. Ч. 2. С. 89–81; Херсонесская экспедиция // *Археологические открытия — 1974*. М., 1976. С. 392–305; Гераклейская экспедиция // *Археологические открытия — 1976*. М., 1977. С. 316–317; Раскопки усадьбы на Гераклейском полуострове // *Археологические открытия — 1979*. М., 1980. С. 392; Усадьба 9 у Камышовой бухты // *АО-1980*. М., 1981. С. 267–269; Херсонесская усадьба на наделе 120 // *Краткие сообщения Института археологии АН СССР*. 1983. Вып. 174. С. 43–51; Кругликова И.Т., Голенцов А.С. Раскопки усадьбы надела 10 на Гераклейском полуострове // *Археологические открытия — 1978*. М., 1979. С. 352–353; Кругликова И.Т., Сапрыкин С.Ю. Гераклейская экспедиция // *Археологические открытия — 1975*. М., 1976. С. 345–346. — Некоторые итоги раскопок освещены тезисно: Кругликова И.Т. *Сельские усадьбы херсонеситов в эллинистический период* // *Проблемы античной истории и классической филологии: тез. докл.* Харьков.

труды по экономике, сельскому хозяйству Боспорского царства, имел большое значение. В близкое время один из комплексов, который вошел в научную литературу как «Усадьба Базилидов»¹⁰, исследовался научным экипам Московского университета, которым руководил один из ведущих специалистов по истории земледелия в Риме В.И. Кузищин. Ему принадлежит также создание концепции о Гераклеийском полуострове как особой историко-археологической зоне¹¹.

Уникальность памятников на Гераклеийском полуострове обусловлена геологическими особенностями территории: отсутствие мощного почвенного слоя и близость скалы заставили земледельцев, прежде чем посадить ту или иную культуру, производить масштабные работы для того, чтобы корневая система деревьев или виноградных кустов имела возможности развиваться. Благодаря этому стало возможным во время археологических раскопок выявить участки, где располагался сад или виноградник или он отводился под огородные культуры.

Вторая причина уникальности — это то, что удаляемый в ходе «окультуривания» надела камень был использован не только для строений, но и для огражде-

1980. С. 29–30; *Она же*. Земельные наделы херсонеситов на Гераклеийском полуострове // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1981. Вып. 168. С. 9–16; *Она же*. Усадьбы Гераклеийского полуострова // Всесоюз. конф. «Советская археология в 11-й пятилетке»: тез. докл. М., 1983. С. 11–13; Кругликова И.Т., Щелов Д.Б. Археологические раскопки античных памятников в Северном Причерноморье // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. С. 219–231. — Публикации находок из раскопок усадеб на Гераклеийском полуострове посвящено несколько статей: С.Ю. Сапрыкина: Каппадокийская монета I в. до н.э. из херсонесской усадьбы // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1976. Вып. 145. С. 85–86; Черепицы с клеймами римских легионов из усадьбы хоры Херсонеса // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1981. Вып. 168. С. 58–62; Граффити и метки на сосудах из херсонесских усадеб // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1983. Вып. 174. С. 63–66; Граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса // Античная балканистика. М., 1987. С. 94–101.

ния участков, при сооружении полотнища дорог. Это позволило установить размеры наделов, на которых выявлено около 260 различных построек, подавляющее большинство из них — это остатки усадеб, что является показателем лучшей изученности хоры Херсонеса в сравнении с другими районами Древней Эллады.

Раскопки на Гераклеийском полуострове (ближней хоре), а затем в Северо-Западном Крыму насчитывают более 100 лет. Кроме многочисленных работ, посвященных ближней и дальней хоре (в Северо-Западном Крыму), только в самом конце XX в. опубликовано несколько работ. Одна из них принадлежит автору раскопок на Гераклеийском полуострове Г.М. Николаенко¹². А в начале нынешнего столетия исследованию хоры Херсонеса была посвящена монография киевского исследователя В.М. Зубаря¹³, в которой преследуются две задачи: критический анализ материалов «кадастра херсонеситов», воссозданный Г.М. Николаенко, и создание хрони-

¹⁰ Информацию о раскопках см. в статьях В.И. Кузищина: Изучение позднеантичной виллы в окрестностях Севастополя // Археологические открытия — 1977. М., 1978. С. 344–345; Раскопки позднеантичной виллы в окрестностях Севастополя // Археологические открытия — 1980. М., 1981. С. 270–271; Позднеантичная вилла в окрестностях Севастополя // Археологические открытия — 1981. М., 1983. С. 279–280; Раскопки позднеримской виллы в окрестностях Севастополя // Археологические открытия — 1982. М., 1984. С. 284–285; также: Кузищин В.И., Иванчик А.И. «Усадьба Базилидов» в окрестностях Херсонеса Таврического: результаты работ Херсонесской историко-археологической экспедиции исторического факультета МГУ в 1976–1987 гг. // Вестник древней истории. М., 1998. № 1. С. 205–232.

¹¹ Кузищин В.И., Быков М.Я. Историко-археологическая зона Гераклеийского полуострова (р-н г. Севастополя) и проблемы ее охраны // Проблемы охраны памятников археологии в населенных местах: материалы конф. Ереван, 1980. С. 41–43.

¹² Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV–III вв. до н.э. Севастополь, 1999. Ч. 1; 2001. Ч. 2.

¹³ Зубарь В.М. Хора Херсонеса Таврического на Гераклеийском полуострове: история раскопок и некоторые выводы. Киев, 2007.

ки раскопок ближней хоры полиса. Именно эту работу и хотелось бы представить читателю. Следует отметить, что отдельные выводы, касающиеся интерпретации памятников Гераклейского полуострова, и концепция В.М. Зубаря уже были изложены ранее, в частности, в коллективной монографии¹⁴, посвященной истории и культуре Херсонеса третьей четверти VI — середины I вв. до н.э., где отмечалось:

1. Около рубежа IV—III вв. до н.э. завершается создание Херсонесского территориального государства.

2. Законодательно закрепляются его границы, и возникает линия оборонительных сооружений по границам земель ближней хоры.

3. В это же время здесь сооружаются квадратные в плане или прямоугольные дома-башни, в которых херсонеситы могли временно укрыться от опасности в случае внезапного набега.

4. Складывается территориальная специализация в земледелии: Северо-Западный Крым — производство в основном зерна, на Гераклейском полуострове — возделывание виноградников.

5. В Северо-Западной Таврике существовали различного типа комплексы, что отражает различия социума. Такие центры, как Керкинитиды и Калос Лимен, являлись своеобразными административно-хозяйственными центрами.

6. Исследования многих поколений историков позволили выявить количественные изменения земельных владений Херсонеса. На начальном этапе развития полис имел около 1200—1300 га. В середине IV в. до н. э. начинается сплошное межевание территории Гераклейского полуострова (его площадь составляет 10000 га). В Северо-Западной Таврике осваивается до 30000—32000 га. Таким образом, за пределами ближней округи к середине эпохи эллинизма находился больший в четыре раза земельный фонд. Доход от него в виде ренты-налога использовался на нужды привилегированной части населения государства — херсонеситов¹⁵.

Некоторые из положений, прозвучавших в коллективной монографии, были повторены в новой работе, тем не менее от-

личие ее весьма существенное, прежде всего потому, что автор уделил большое внимание истории исследований и, используя отчеты, хранящиеся в Институте археологии Национальной академии Украины, привел данные о раскопках последних лет.

Структура работы В.М. Зубаря определена ее названием «Хора Херсонеса Таврического на Гераклейском полуострове: история раскопок и некоторые выводы». Первая часть — история раскопок — состоит из двух разделов: «Изучение сельскохозяйственной округи Херсонеса в конце XVIII — 70–80-х гг. XX в.» (108 стр.) и «Археологические исследования 90-х гг. XX в. и изучение хоры Херсонеса на рубеже XX–XXI вв. (48 с.).

В четко структурированной первой части монографии представлены сведения об исследованиях конца XVIII — начала XX в. об изучении памятников Гераклейского полуострова в 30-е — середине 40-х гг. XX в.; выделены результаты раскопок и охарактеризованы научные штудии 40–60-х гг., когда появилась первая монография, посвященная в целом земледелию античных государств Северного Причерноморья¹⁶, и обобщившая результаты раскопок на ближней хоре Херсонеса работа С.Ф. Стржеleckого (1910–1969)¹⁷. Завершает раздел освещение хода раскопок в

¹⁴ Зубарь В.М., Буйских А.В., Кравченко Э.А., Марченко Л.В., Русаева А.С. Херсонес Таврический в третьей четверти VI — середине I в. до н.э.: очерки истории и культуры. Киев, 2005 (рец.: Марусик Т. // *Україна молода*. 2006. № 167 (2954). С. 9; Храпунов И. М. // *Археологія*. 2006. № 2. С. 100–104).

¹⁵ Зубарь В.М. Формирование территориального государства в Западной Таврике и Херсонесе во второй половине IV — первой трети III в. до н.э. // Зубарь В.М., Буйских А.В., Кравченко Э.А., Марченко Л.В., Русаева А.С. Херсонес Таврический... С. 197.

¹⁶ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.

¹⁷ Стржеleckий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. Севастополь, 1961. Вып. 6 (рец.: Кругликова И.Т. // *Вестник древней истории*. М., 1963. № 4. С. 176–179). — В монографии В.М. Зубаря неверно указан год смерти С.Ф. Стржеleckого.

70–80-е гг. XX в. Обращение к историографическим сюжетам ставит перед историком подчас сложную задачу: все ли работы, опубликованные в тот или иной период, должны быть освещены в равной мере, как соблюсти баланс в изложении сведений о крупных монографиях и небольшой статье, выявить все исследования, посвященные избранному аспекту. В.М. Зубарь смог преодолеть историографические сложности, но, безусловно, анализу достижений российских и украинских археологов последних десятилетий XX в., когда на Гераклейском полуострове развернулись масштабные раскопки, уделено большее внимание. Именно поэтому следующий историографический сюжет об исследованиях 90-х гг. XX в. и рубежа XX–XXI в. выделен как самостоятельный раздел. Это вполне закономерно и отражает стремление автора познакомить широкий круг читателей со сведениями, которые доступны только при обращении к архивным хранилищам, поэтому В.М. Зубарь восстанавливает погодную хронику изучения той или иной усадьбы, сравнивая освещение результатов исследований некоторых из памятников хоры Херсонеса в научных изданиях со свидетельствами отчетов. Если учитывать, что в период между выходом из печати монографии С.Ф. Стржелецкого (1961) и работ Г.М. Николаенко о земельном кадастре Херсонеса (1999, 2001) результаты раскопок новых комплексов освещались в основном в кратких заметках сборника «Археологические открытия в СССР», этот раздел имеет большое значение. Однако следует отметить, что В.М. Зубарь не только дает представление о результатах раскопок того или иного года, но одновременно отмечает достоинства и недостатки методики раскопок, как и характер представления данных о находках в отчетах. Конечно, можно соглашаться или дискутировать с интерпретационными замечаниями автора или критикой в адрес авторов раскопок, но основная цель: дать первичное обобщение результатов, показать масштабность археологических исследований Национального заповедника «Херсонес Таврический», как и пред-

ставителей других научных учреждений, — В.М. Зубарем успешно выполнена.

Краткость двух начальных параграфов первого раздела — об исследованиях хоры Херсонеса с конца XVIII и до 40-х гг. XX в. — вполне объяснима неоднократным обращением к истории раскопок различных авторов, среди которых прежде всего следует отметить фундированную монографию И.В. Тункиной¹⁸. Вместе с тем относительно представления материалов о раскопках и исторических выводах, характерных для 40-х гг. XX в., возникает одно замечание. Совершенно справедливо высоко оценивая монографию С.Ф. Стржелецкого о клерах Херсонеса, показывая положения, которые были продиктованы идеями, господствующими в исторической науке тех лет, В.М. Зубарь мог бы уделить большее внимание, в сущности, первой интерпретации материалов раскопок в неопубликованной работе В.П. Лисина (1911–1942), в которой прозвучали идеи, нашедшие в последующем частичное отражение и в работе С.Ф. Стржелецкого, в частности тезис о концентрации земли в римский период. Текст диссертации В.П. Лисина, как и отчеты о раскопках последних лет, в равной мере малодоступны¹⁹, работа же молодого марксистского историка позволяет выявить и влияние времени на формирование концепции, и в значительной мере интуитивные из-за немногочисленности археологических свидетельств выводы. С тем чтобы восполнить эту краткость, приведу некоторые из наблюдений В.П. Лисина.

Намечая структуру будущей работы, он планировал рассмотреть:

¹⁸ Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.) СПб., 2002.

¹⁹ Лисин В.П. Античные хозяйства в районе Камышовой бухты, I–IV вв. // Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 561 (полный текст работы составляет 166 л.). — В.П. Лисин успел опубликовать небольшую статью, посвященную изучению античной хоры Херсонеса, см.: Лисин В. П. Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г. // Вестник древней истории. М., 1939. № 2. С. 137–140.

«1. Историю изучения округа Херсонеса.

2. Вопрос о социальной значимости памятников, по которому первые шаги сделали Бороздин и Гриневиц с модернизаторской точки зрения. Первый считал укрепленные пункты на Гераклею капиталистическими центрами, второй сравнивал их со средневековыми деревнями (Социологические исследования прошлого Севастопольского района. Крым. 1929. № 2, 10).

3. Можно ставить вопрос не только об изучении памятников, но и сельского хозяйства Херсонеса: 150-летняя история изучения Гераклеи позволяет это.

4. Дороги, полевые межи, ограды, размер владений, характер культур на основании археологических и эпиграфических памятников.

5. Система планировки в Камышовой бухте, где в 1937 г. проведены разведки и раскопки. Зафиксировано 5 древних участков, вскрыта усадьба римского времени, полностью.

6. Обмеры подтвердили карту Гераклеяского полуострова 1886 г. топографа Тяпина»²⁰.

В.П. Лисин полагал: «А. В III в. до н.э. произведена значительная планировка на Гераклеяском полуострове, о чем свидетельствует надпись в честь Агасикла. Размеры владений не были равны, первоначальной единицей являлся квадрат со стороной около 200 м.

Б. Наблюдается концентрация в римское время, появляются громадные владения. В районе Камышовой бухты общественные дороги оказались уничтоженными во II в. н.э. На площади в 2075 югеров насчитывается 32 хозяйства. Они подразделяются на три группы: по 10–30 югеров — 6; по 30–80 — 13; от 80 и выше — 13.

Характер планировки позволяет установить площадь виноградников и посевов в системе хозяйства.

1 группа: поля или посевы — 27,45%; 2 группа — 45,22%; 3 группа — 57,01%.

Вывод: происходит концентрация, наряду с заменой виноградников на поля и пастбища.

В. Расчет рабочей силы возможен с привлечением (сочинений) Катона, Вар-

рона, Колумеллы и Плиния; норм рабочей силы, существовавшей в древности. Для 8 югеров виноградников требуется не менее 3-х рабочих в течение года и на посевы — 1 работник.

Г. Рабочие состояли из рабов. Незначительно использование вольнонаемных, привлекаемых к сезонным работам. На надгробиях есть указание на наличие вольноотпущенника и изображение виноградного ножа, собственное имя происходит от слова “дулос”.

Д. Сосуществование двух культур: варварской и греческой на протяжении всей истории сельского хозяйства Херсонеса античного времени.

Лепная керамика представляет варварскую культуру “каменных ящиков” горного Крыма, прослеживается связь с Кизил-Кобинской культурой, новый очаг которой обнаружен у Балаклавы. Необходимость проведения археолого-топографической съемки для дальнейшего изучения Гераклеи»²¹.

В заключение В.П. Лисин подчеркнул, что следует исследовать не только усадьбы, но и поля, планировку каждого участка, их размеры. Гераклеяский полуостров — ключ к пониманию проблем истории Херсонеса»²².

Выводы исследователя представляют интерес как один из этапов развития херсонисы, некоторые из них в последующем претерпели кардинальное изменение, другие уточнены благодаря систематическому изучению Гераклеяского полуострова. Но сам план исследований хоры Херсонеса, намеченный В.П. Лисиним, соответствует задачам, которые реализовывались С.Ф. Стржелецким и которые характерны для более поздних поколений исследователей Херсонеса, что подчеркнуто В.М. Зубарем, одновременно неоднократно отмечающим в представляемой читателям монографии и необходимость ввода полученных резуль-

²⁰ Лисин В.П. Тезисы диссертации «Античные хозяйства в районе Камышовой бухты в I–IV веках» // Арив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Д. № 561. 7 с.

²¹ Лисин В.П. Тезисы диссертации... Л. 4–7.

²² Лисин В.П. Античные хозяйства... Л. 157.

татов в научный оборот. Но тезис о концентрации земли в римское время, которого придерживались В.П. Лисин и С.Ф. Стржелецкий, после выхода монографии последнего встретил критику Е.Г. Сурова. Примечательно, что В.М. Зубарь высоко оценил небольшую работу уральского историка, который обратил внимание на отдельные положения работы о клерах Херсонеса, требующие уточнения. В частности, он писал о некорректности использования применительно к Херсонесу термина «клер»: «Если мы правильно называем земельные наделы херсонесцев клерами (букв. жребий), то необходимо установить, какое время он сохранял значение для обозначения участков, полученных по жребию²³ от общины в неотчуждаемое наследство»²⁴. Он возражал также против использования данных о клерах Маячного полуострова (Страбона Херсонеса) для подтверждения тезиса о наличии мелкой и средней собственности на землю, так как эти участки и наделы на остальной части Гераклейского полуострова, скорее всего, относятся к различным периодам. Соглашаясь в том, что основной рабочей силой являлись рабы, рецензент считал возможным говорить и об использовании труда свободных в сельском хозяйстве, привлечении сезонных работников, участии членов семьи в обработке земли. Но наибольшую критику вызвала интерпретация декрета в честь Агасикла: «С.Ф. Стржелецкий полагает, что Агасикл поделил земли, находящиеся в частной собственности, и что это было результатом реформы в “пользу рядовых демократов, в ущерб крупным землевладельцам”. <...> Такой передел, если бы он имел место, надо именовать не реформой, а революционными преобразованиями»²⁵.

Вторая часть исследования В.М. Зубаря, в сущности, состоит из ряда очерков, отдельные положения которых уже прозвучали в статьях и монографиях. Здесь исследователь обращается к таким дискутируемым в настоящее время проблемам, как интерпретация памятников Маячного полуострова и система его межевания, вопрос о локализации храма Партенос, об

интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове. Проблемные очерки с обширной библиографией позволяют составить представление не только о позиции автора монографии, но взглядах его оппонентов.

В заключении В.М. Зубарь (с. 262–268) еще раз отмечает эпизодичность обращения к памятникам Гераклейского полуострова до середины XX в., обращает внимание на «новаторские предложения» Е.Г. Сурова, которые «с успехом были использованы другими исследователями»; выражает несогласие с концепцией В.Д. Блаватского и С.Ф. Стржелецкого о «решающем, удельном весе в составе населения Херсонеса рабов классического типа, включая рабов-тавров, которые якобы являлись основной силой в производстве материальных благ» полиса, полагая, что величина земельных наделов херсонеситов позволяла обрабатывать их в основном силами семьи.

Относительно наиболее поздних исследований В.М. Зубарь вновь обращает внимание на достижения в изучении хоры полиса многими исследователями, применение в последние годы данных аэрофотосъемки, но с сожалением констатирует «лишь частичное отражение в отечественных информационных изданиях» результатов раскопок. Отдавая должное качественным публикациям о хоре Херсонеса на английском языке, он пишет, что «вряд ли это можно считать нормальным, учитывая очень ограниченное количество (таких) изданий», которые доступны историкам Украины и СНГ.

²³ В работах конца XX в. термин «клер» используется в основном в историографических обзорах.

²⁴ Сувор Е.Г. К вопросу... С. 332.

²⁵ Там же. С. 336. — Примечательно, что, опережая время, Е.Г. Сувор отметил необоснованность использования во всех случаях высказывания К. Маркса о причинах колонизации, так как имеются «в виду общие закономерности, из которых могут быть исключения»; в экономике раннего Херсонеса, по его мнению, большую роль играла торговля (этот тезис в последующем вызвал критику сторонников «аграрной направленности колонизации»).

Безусловно, работа В.М. Зубаря отча- стливо преодолевает «частичное отражение» результатов исследований особенностей земледелия и землепользования, которые были присущи гражданской общине Херсонеса. Остается надеяться, что в ближай- шее время появятся работы, посвящен- ные самим последним раскопкам на Ге- раклеийском полуострове. Монография В.М. Зубаря, имеющая обширную би- блиографию (с. 269–307) и английское ре-

зюме, стимулирует современных исследо- вателей хоры Херсонеса к освещению ре- зультатов своих работ, которые имеют возможность после его публикации обра- тить внимание на критику методики рас- копок и логическую непоследователь- ность доказательств собственных conclu- сий. Таким образом, еще одна из задач, как представляется, — призыв к дискус- сии — В.М. Зубарем выполнена.

А.И. Романчук

Hutton, Ronald. Debates in Stuart History. Basingstoke and New York: Palgrave, 2004. vii + 239 p.

Хаттон, Рональд. Дебаты о стюартов- ской истории. Бейсингсток и Нью-Йорк: Палгрейв, 2004. vii + 239 с.

Рональд Хаттон — профессор универ- ситета города Бристоль и один из самых известных английских историков. Его исследовательские интересы весьма раз- нообразны, что в наше время не так уж часто встречается в ученой среде. Он — автор почти двух десятков книг, среди которых работы по стюартовской Англии, истории язычества, ведовства, магии, дру- идов и даже сибирского шаманизма. Его отличает несомненный литературный дар. Под пером Р. Хаттона самые скучные сюжеты обретают необычайную увлека- тельность и живость. Вот и в книге по историографии революционной Англии он сумел отыскать такие слова и так раз- вернуть тему, что даже один из самых уны- лых академических жанров — историо- графия, где почти все сбиваются на пере- сказ, — не отпущал, как какой-нибудь триллер, пока не была перевернута последняя страница заключения.

Книга Р. Хаттона открывается кратким предисловием, в котором автор отметил, что в середине XX в. сложились весьма благоприятные условия для развития исторической науки. Ей помогли новые тех- нологии по сохранению и тиражированию информации, существенные инвес-

тиции в сферу образования и приток большого числа квалифицированных спе- циалистов. Затем следуют шесть корот- ких, но информационно чрезвычайно на- сыщенных глав.

Первая глава повествует о ревизио- нистском повороте в историографии Ан- глии XVII в., который, по общему призна- нию, стал ответом на вигско-либеральные и марксистские построения. Виги и мар- ксисты, пишет Р. Хаттон, настаивали на наличии долговременных экономичес- ких, социальных и политических факто- ров, которые закономерно породили Ан- глийскую революцию. Более того, почти все историки, преподающие в британских университетах после Второй мировой войны, придерживались левых и либе- ральных взглядов. Среди исследователей предреволюционной Англии, подчерки- вает он, только кембриджский профессор Джеффри Элтон демонстрировал при- верженность к консерватизму. Видимо, не случайно в 1965 г. Дж. Элтон образно по- именовал либеральные и марксистские концепции «прямой дорогой к граждан- ской войне». Скептицизм кембриджского историка был спустя десять лет поддер- жан его молодыми коллегами — Конра- дом Расселом, Кевинном Шарпом, Марком Кишленски и др., которые сосредото- чились на политической истории. Они отрицали всякий детерминизм, закономер- ности и настаивали на краткосрочных, часто случайных причинах, вызвавших бунт парламента и гражданскую войну.